

На всю оставшуюся жизнь

Медицинские сестры... Сколько же легло на их хрупкие плечи в Великую Отечественную, сколько пришлось пережить и на фронтах, и в госпиталях. Совсем еще молоденькой девчонкой всю войну проработала в эвакогоспитале и Вера Ивановна Федорова, теперь уже давно ветеран здравоохранения. Сегодня она делится своими воспоминаниями.

— День Победы, 50-летие которой отметили мы совсем недавно, конечно, большой праздник. Но у меня всегда в этот день настроение бывает далеко не праздничное, что-то давит, тяжело бывает на душе. Наверное, потому, что вспоминается все, что было пережито. Сама я страхов больших не видела, только когда наш госпиталь из Казани переехали в Калинин, попали в дороге несколько раз под бомбежки. Но смертей и страданий людей увидала немало.

Госпиталь наш был хирургический, понятно, какие раненные к нам поступали. Работали круглосуточно. Покой казался, что кружится где-то мясорубка, пропускает через себя людей. Так получилось, что после окончания Казанской фельдшерско-акушерской школы в условиях мирной обстановки мне удалось поработать лишь месяц, а потом, в августе 1941-го, пришла повестка,

а в сентябре я — уже старшая медсестра третьего отделения эвакогоспиталя, который располагался в десятой казанской школе по улице Галиаскара Камала.

Мы были постоянно как на передовой, особенно в первые годы войны. Чуть не каждую ночь приходил эшелон с ранеными. Их надо было выгрузить, на носилках погрузить на машины, потом уже в госпитале опять надо всех по палатам разнести. А перед этим раздеть, обработать раны, вымыть, одеть. Тут уж каких-то разграничений дежурств не было — работали и работали. В операционной настоящий конвейер — одного уволят, другого раненого привозят. Помню, был у нас хирург профессор Розенберг, который порой целыми ночами делал операции. Смотрим на него, бывало, и удивляемся, откуда силы брались. Пот ему салфеткой со лба вытереть, и он дальше работает.

До сих пор в глазах обгорелые танкисты, летчики. Молодые совсем ребята становились калеками. Пока делаешь им перевязку, сама заплачешься.

Не успеем принять эшелон с ранеными, как нужно тех, которых подлечили, эвакуировать дальше. Это опять огромная работа, а тут новый эшелон с ранеными поступает. Спали мы урывками. Очень много времени отнимала светомаскировка. Каждый день на все окна вешали огромные тяжелые одеяла, чтобы нигде ни щелочки не было. — строго спрашивали за это.

Тяжело жили, но никогда не унывали. Наверное, молодость брала свое, к тому же даже в самые страшные дни войны верили в победу. Мы все, кто работал в госпитале, жили одной семьей, помогали друг другу, поддерживали, делились куском хлеба всем. Частенько к нам навевались артисты из филармонии — и концерт для раненых дадут, и танцы устроят. Как-то отвлекались и мы, и раненые.

Наверное, потому, что я очень близко

видела смерть, не могу сегодня спокойно смотреть кадры в телепередачах, рассказывающих о войне в Чечне, Таджикистане.

Все те, кого мы лечили в эвакогоспитале, страдали за Родину, жизни для нее не жалели. А за что страдают наши солдаты сегодня, зачем гибнут? Сложно во всем разобраться, как и в том, почему я теперь не могу поехать к сестре в Молдавию, с которой уж больше, наверно, и не увижусь. И от всего этого вновь тяжело на душе.

На свою жизнь я пожаловаться не могу, пенсии на еду хватает, одежды той, что есть, не износить, огородик у нас, курь. Так что обходимся. Только бы не было войны. У меня внук студент, заранее переживаю, как бы не попал в одну из «горячих точек». Ведь так страшно, когда гибнут люди, а твои полные — тем более. У меня брат погиб на войне, отец пришел живой, но война догнала его, умер в 60 лет, получив пенсию всего один раз. Так что на всю оставшуюся жизнь будут во мне воспоминания о прошедшей войне.